УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 48, № 7. С. 76–82 2026
Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1369
EDN: KFKGFV
УДК 82-94

Литературы народов мира

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЦВЕТКОВ
доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук
Ивановский государственный университет
(Иваново, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

ПОЭТОЛОГИЯ Г. ФОН ГОФМАНСТАЛЯ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТКАХ «AD ME IPSUM»

Аннотация. Цель исследования – герменевтический анализ разрозненных записок известного австрийского поэта и писателя Гуго фон Гофмансталя, созданных в разные периоды времени и опубликованных после его смерти. Новизна работы состоит в установлении общего поэтологического замысла записок как самоинтерпретации творческого пути от юношеского магического этапа создания лирики и стихотворных драм (этап «предсуществования», заимствованный из буддийской философии) через трудный промежуточный период к этапу «существования», то есть обретения социальной значимости в образах персонажей в поздних прозаических драмах и комедиях. Если первый этап «предсуществования» ярко отразился в юношеской лирике Гофмансталя (стихотворение «Сон о великой магии»), то второй этап – переходный путь, сохранивший магическую власть слова поэта, не мог без кризисного его состояния воплотиться в реальной жизни, поскольку неоплатоническая концепция мира Гофмансталя разрушалась материалистической основой реальности (драмы «Император и Ведьма» и «Авантюрист и певица»). Наконец, этап «существования» предполагал прямое постижение социальной жизни современного общества путем деяния, творчества и рождения ребенка. Стихотворение «Вселенская тайна», драмы и комедии Гофмансталя зрелого периода: «Сильвия в “Звезде”», «Флориндо и незнакомка», «Возвращение Кристины», «Трудный характер» и «Неподкупный», – подтвердили плодотворность поэтологической эволюции писателя.

Ключевые слова: литература венского модерна, Гуго фон Гофмансталь, «Ad me ipsum», поэтология, «Сон о великой магии», «Глупец и Смерть», «Вселенская тайна», поздние прозаические драмы и комедии

Для цитирования: Цветков Ю. Л. Поэтология Г. фон Гофмансталя в биографических заметках «Ad me ipsum» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 7. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1369

ВВЕДЕНИЕ

Австрийский поэт, драматург и прозаик венского модерна Гуго фон Гофмансталь (1874–1929), автор многочисленных либретто опер, написанных совместно с Рихардом Штраусом (1864–1949), отличался особым свойством писательской активности, направленной на полное раскрытие идей и планов по самым разным поводам литературного и общественного характера. Формами отражения талантливой и неординарной личности писателя становились многочисленные письма и записки. Эпистолярное наследие Гофмансталя насчитывает десятки томов. В окончательном виде биографические записки «Ad me ipsum» («Очень важное для меня») появились в печати посмертно, в 1930 году под редакцией литературоведа Вальтера Брехта. Записки представляют собой отдельные листы неодинакового размера и почти без дат создания. Авторский заголовок звучит: «Г. Г. Интерпретация»[1]. Исходя из такой формулировки, Гофмансталь рассматривает себя в третьем лице, превращаясь из субъекта автобиографического повествования в анализируемый объект, наблюдая за собой «другим» со стороны. Подобную игру с идентичностью вполне можно было бы назвать постмодернистской. Однако в записках нет другого «чужого», и необходима иная трактовка.

Пьер Бурдьё (1930–2002) в «Биографической иллюзии» (1986) рассматривает субъекта биографии как интервьюируемого, а объект биографии как интервьюера [3]. Такая ситуация была традиционной в немецкой литературе, если вспомнить столь значимого для Гофмансталя «олимпийца» И. В. Гёте (1749–1832), который оказал большое влияние на австрийского писателя. Гофмансталь с юношеских лет подражал Гёте в поэтическом творчестве и мечтал обладать «олимпий-

© Цветков Ю. Л., 2026

ским здоровьем», чтобы избавиться от частых психологических кризисов, сопровождавшихся сменой периодов «блистательных озарений» и потери способности произносить слова [7]. «Разговоры с Гёте в последние годы жизни» (1836) его биографа Иоганна Петера Эккермана создают с точки зрения биографического нарратива точную модель гофмансталевских записок «Ad me ipsum»:

«…отдельные высказывания Гете о поэзии часто кажутся односторонними, а иногда и явно противоречивыми: то он придает преимущественное значение материалу, который дает внешний мир, то он на первый план ставит внутренний мир поэта; то ему кажется, что вся суть в теме; то он требует совершенства формы, то с полным пренебрежением ко всякой форме он ценит только духовный смысл произведения»[2].

СТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

У Гофмансталя не было своего биографа, хотя в конце двадцатых годов литературовед Вальтер Брехт начал работу над историей публикаций Гофмансталя и часто советовался с ним, расспрашивая в письмах о тех или иных обстоятельствах создания или рецепции его произведений. Небольшая часть записей бесед В. Брехта вошла в состав «Ad me ipsum» (615).

Подчеркнем, что самоинтерпретация творчества в форме виртуальных бесед является общим замыслом Гофмансталя, а содержание записок гораздо сложнее. Неординарный подход к биографическим заметкам Гофмансталя критик Петер Шонди назвал «имманентной» интерпретацией, полностью посвященной литературному творчеству [9: 335]. Причем Гофмансталь не раз предупреждал читателей «Ad me ipsum», что записки являются «опасным ключом» к постижению его творчества, если подойти к его наследию поверхностно или без основательной подготовки. Несомненно, Гофмансталь, с одной стороны, исходил из свойственной символистам герметичности творчества, доступного лишь одаренным или посвященным в «тайны ремесла» немногим избранным. С другой стороны, в письме 1916 года к своему другу, писателю Максу Меллу (1882–1971), Гофмансталь откровенно признавался относительно некоторых юношеских пьес, второй редакции драмы «Ариадна на Наксосе» (1916) и сказки «Женщина без тени» (1915) в том, что эти произведения остались непонятыми читателем и необходимо авторское объяснение их содержания, отдельных мотивов и символики [8: 118].

Таким образом, записи «Ad me ipsum» вскрывают глубинные пласты труднопостигаемой неподготовленным читателем литературной основы произведений, включая сложнейший сюжет сказки «Женщина без тени», содержащей многослойный интертекстуальный пласт фантастических произведений мировой литературы, создающий, по идее Гёте, «праздничный спектакль»: либретто оперы В. А. Моцарта / Э. Шиканедера «Волшебная флейта», вторая часть «Фауста» Гёте, «Удивительная история Петера Шлемиля» А. фон Шамиссо, волшебные сказки К. Гоцци, Ф. Раймунда, «Тысячи и одной ночи» и др. Поэтому любая авторская интерпретация в заметках Гофмансталя стала любопытной для исследователей его творчества. Она отличалась от привычных культурно-исторических подходов в филологии.

Кроме суждений о собственном творчестве, в «Ad me ipsum» присутствуют «замечания» о других писателях и поэтах: Г. Нисском, У. Шекспире, П. Кальдероне, Ж. Б. Мольере, И. В. Гёте, Ф. Гёльдерлине, С. Георге, Ф. Гундольфе, П. Валери и др. Часто Гофмансталь ограничивается кратким комментарием: «Гофмансталь не сообщает ни о генезисе, ни об автобиографических предпосылках или процессе анализа отдельных произведений» [9: 338]. Писатель полностью свободен в суждениях о собственном творчестве. Он бессистемно располагает материал, что дает возможность исследователям интерпретировать «Ad me ipsum» с разных точек зрения. Обратим внимание на исключение в записках – полустраничную запись под названием «Изображение моей жизни», состоящую из трех этапов:

1) детство (до десятилетнего возраста): «Предки, город, пейзаж. Затем первые ошибки и осложнения»; 2) период до 1899 года: «Период молодости. Детство как отражение томления. Всё – подготовка и намек. Мир, близкий и далекий. Ранняя известность. Герман Бар, Георге. Прошлая Вена. Ощущение несуществующего состояния, которого больше нет. Представление о мире: античность, Восток, история. Темные страницы. Страх…. Попытка все сгруппировать». Наконец, 3) период: настоящее время (1912–1917): «Кризис зрелого возраста. Истинное значение имеет то, чем владели раньше…» (616).

ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЗАПИСОК

Другая важная составляющая записок – специфическая терминология, которая подчиняется своим законам по мере развития творческой личности Гофмансталя в последовательности указанных отдельных ее этапов. Это понятия «праэксистенции», или «предсуществования», и «эксистенции», то есть реальной жизни. Понятие «предсуществования», по свидетельству Гофмансталя, было заимствовано из книги англий-

ского писателя Лафкадио Хирна (1850–1904), вторая половина жизни которого прошла в Японии в изучении философии и литературы буддизма. В книге «Кокоро» («Мое сердце», 1896), высоко оцененной Гофмансталем, автор рассматривает «предсуществование» в бытовом житейском плане как силу кармы. Один из буддийских священников с целью избежать греха (соблазна женщиной) совершил самоубийство. Задается вопрос:

«То есть вы хотите сказать, что в каком-нибудь из прежних существований он уже пытался избежать греха, уничтожив собственное тело? Да. Возможно, во многих прежних жизнях»[3].

«Предсуществование», таким образом, представляет собой раннее состояние души, складывающееся из множества пережитых сходных состояний. Буддийское понимание биографии близко платоновскому учению об идеях, нашедшему свое воплощение в неоплатонизме. Однако попытки интерпретации категории «предсуществования», с точки зрения Платона, Плотина или Григория Нисского, значительно усложняют понимание «восточного подхода» Гофмансталя. Точнее будет исходить из буддийского толкования кармы, как в рассказе Хирна:

«Карма – это вера в осознанность причинно-следственных связей в поступках человека на пути его просветления от одного рождения к следующему. Поскольку люди рождаются из предшествующего момента своего осознавания – "предсуществования", то карма подобна генетическому коду, передаваемому от одной жизни к другой» [5].

«Предсуществование» характеризуется Гофмансталем в «Ad me ipsum» следующей фразой: «Славное, но опасное состояние» (599). Затем следуют имена героев ранних драм: Клаудио (из «Глупца и Смерти», 1893) и Андреа (из пьесы «Вчера», 1891), а также названия стихотворений «Баллада внешней жизни» (1895) и «Пережитое» (1892). Тем самым автор рассматривает раннее творчество под общим понятием «предсуществования», за которым неминуемо должно последовать «существование». Так Гофмансталь указал исследователям на исходный пункт будущих интерпретаций как некий ключ эволюции творчества. Поэтому «Ad me ipsum» можно считать важной самоинтерпретацией ранних и поздних произведений Гофмансталя.

ПЕРИОДЫ ПОЭТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

Значительнее всего записки Гофмансталя побуждают исследователей к общей оценке его творческого пути, который имел три важных этапа становления. Исходным пунктом формирования Гофмансталя как творческой личности можно назвать следующие формулировки в «Ad me ipsum»: «Начало – это чистая магия: предсуществование» (621) или: «Юношеский этап: магия» (616). Ответом на эти тезисы становится стихотворение «Сон о великой магии» («Ein Traum von grosser Magie», 1895) с ярким антропоморфным и фантастическим образом мага:

«Er setzte sich und sprach ein solches Du
Zu Tagen, die uns ganz vergangen scheinen,
Daß sie herkamen trauervoll und groß:
Das freute ihn zu lachen und zu weinen.
Er fühlte traumhaft aller Menschen Los,
So wie er seine eignen Glieder fühlte.
Ihm war nichts nah und fern, nichts klein und groß.
Und wie tief unten sich die Erde kühlte,
Das Dunkel aus den Tiefen aufwärts drang,
Die Nacht das Laue aus den Wipfeln wühlte,
Genoß er allen Lebens großen Gang
So sehr – daß er in großer Trunkenheit
So wie ein Löwe über Klippen sprang»[4].

«Воссел он там и с властностью такой
Воззвал к чреде годов, давно забвенных,
Что ожили они, и он глядел,
То плача, то смеясь, на них мгновенных,
И ощущал как плоть свою удел
Всех нас, великих, малых, ближних, дальних,
Всех, на кого с участьем он глядел.
А мрак сгущался в безднах изначальных,
Ночь повисала на ветвях древес,
Мир стынул под снопом лучей прощальных,
И маг, многообразием чудес
Большой всеобщей жизни упоен,
Как лев, по скалам прыгая, исчез»[5].

Магические действия разрушают все реальные пространственно-временные связи: далекое и близкое, прошлое и настоящее. Маг чувствует судьбы всех людей как собственные части тела, и эта всесвязанность с живой реальностью становится для него «упоением». Далее приводится наглядный пример того, кто может находиться в стадии «предсуществования»: «Гомункул, самое всеобъемлющее, но еще незаконченное существо» (624).

Аллюзии из произведений И. В. Гёте наиболее многочисленны в творчестве Гофмансталя. Гомункул из второго акта второй части «Фауста» (1832), как известно, является искусственно созданным идеальным «человечком». Он появился у ищущего истину Вагнера в его кабинете в стеклянной «колбе»: от «папеньки» Вагнера он унаследовал чистоту нравов, а от «творящего добро, всему желая зла» Мефистофеля – ум, демоническое начало и магию: «Колба выскаль-

зывает из рук Вагнера и, летая над Фаустом, освещает его»[6]. Гомункул видит сны Фауста, считывает мысли Вагнера, заглядывает в прошлое (древний мир) и бесконечно перемещается во все стороны света. В темную Вальпургиеву ночь Гомункул и Фауст в поисках приключений «дерзнули забраться к Матерям»[7]. Оказавшись в лунную ночь в скалистых бухтах Эгейского моря среди греческих философов, а также сирен, нереид и тритонов, Гомункул боится разбиться. Философы разглядели в Гомункуле «недоделанное существо». Философ Фалес утверждал, что он «остался, так сказать, на полпути / И лишь наполовину во плоти»[8].

По мнению литературоведа А. А. Аникста,

> «Гомункул – воплощение чистой духовности, и существовать он может только в колбе, в которой был произведен на свет. Рожденный умом, он сам не более чем интеллект в его чистом виде. Вместе с тем он духом своим подобен Фаусту» [1: 512].

Гомункул все с большей силой чувствовал желание полностью родиться. Неожиданно «на раковине, превращенной в колесницу», приблизилась к нему во всей красе дочь морского царя нереида Галатея. Гомункул «охвачен томленья огнем»: он / «Налетает стеклом, стекло разбивается, а наполненье, / Светясь, вытекает в волну целиком»[9]. Гомункул погибает: его чистая духовность недостаточна для жизни в мифической реальности.

Многозначительность гётевской аллегории об опасности изоляции Гомункула от реальной жизни была актуальна для юного Гофмансталя. Действительный мир казался ему заимствованным в книгах, о чем он не раз признавался в письмах. Этот факт многое объясняет в структуре «Ad me ipsum». «Предсуществование» для молодого Гофмансталя – это наличие чистой духовности, отраженной в «Ad me ipsum» и, подчеркнем, предельно проблематичной: она означала не только переход в экзистенцию – жизнь, но и представляла собой «опасное состояние» – затяжные психологические кризисы, отмеченные полным молчанием Гофмансталя и его неспособностью творить, а также и возможность гибели наподобие гётевского Гомункула.

Если рассматривать образ Гомункула в философском аспекте, то можно увидеть в нем принципы духовной алхимии как неоплатонического учения [4: 81]. По мнению литературоведа И. Б. Казаковой, Гомункул является прямым претворением идей Плотина:

> «Гётевское понимание демонического близко неоплатоническому пониманию, согласно которому демон – “это дух-руководитель или дух-хранитель, удел или тип жизни, избираемый душой перед ее материальным воплощением”» [2: 209].

По мнению Гофмансталя, человек, который жил в состоянии «предсуществования», всегда больше, чем он сам: «Я как универсум» (605), и это «“Я” он называл “Сверх-Я”», то есть «Über-Ich», не имеющее никакого отношения к фрейдовской терминологии. В записях Гофмансталя отмечено: «“Сверх-Я” подчинено бытию, возвышено над временем: кульминация – в магическом мгновении» (604). Понятие «Сверх-Я» должны пояснять сами произведения Гофмансталя. Значение термина Гофмансталь рассматривает на примере цитаты из стихотворной драмы «Глупец и Смерть»:

> «Warum bemächtigt sich des Kindersinns
> So hohe Ahnung von den Lebensdingen,
> Daß dann die Dinge, wenn sie wirklich sind,
> Nur schale Schauer des Erinnerns bringen?»[10]
>
> «Зачем о жизни, точно о высоком,
> Прекрасном идеале мыслим с детства,
> А после только дрожь воспоминаний
> Нам достается в скудное наследство?»[11]

ПЕРЕХОД ОТ ПРАЭКСИСТЕНЦИИ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Помимо магического состояния детства акцент сделан на том, что за ним следует «дрожь воспоминаний». Переход в тягостное юношеское состояние представляет собой переход от праэксистенции к осознанию реальной жизни: виртуальное владение миром, но без действительной опоры на этот мир: «двойственное состояние между праэксистенцией и жизнью» (601), что то же самое, что и «страстное предвосхищение социального до нескромного, а также размывание границы между фантазией и реальностью как ложь» (615). Если оптика детства состояла для Гофмансталя в том, чтобы смотреть на мир сверху вниз, то в юношеские годы жизнь представлялась видимостью с ложными смыслами. Наглядный пример такого, по мнению Гофмансталя, состояния – трагедия «Глупец и Смерть», в которой главный герой Клаудио до встречи со Смертью жил безответственной по отношению к самым близким людям – Матери, Возлюбленной и Другу – «мертвой жизнью».

Двойственность переходного периода проявляется далее, по мысли Гофмансталя, в образах авантюриста: драма «Авантюрист и певица» (1898) – и поэта: «Император и Ведьма» (1897). Специфику образа авантюриста Гофмансталь выражает следующими словами: это «тот дух, кото-

рый охватывает всю полноту, пал в сфере жизни: подверженный власти времени и изменяющихся сил» (607). В драме Гофмансталя «Авантюрист и певица» речь идет об искателе приключений, который пытался наверстать упущенные в прошлом мгновения счастья, но остался полностью одиноким. Поэт в «Императоре и Ведьме» воплощен в образе заглавного героя:

«Император пытается выступить против молодого камергера из-за этой, казалось бы, незначительной оплошности. Она заключается в нарушении магии слова. Магическая власть над словом, образом, знаком не должна переноситься из предсуществования в существование» (601).

В этой записи можно увидеть гофмансталевскую критику поэта, который испытывает языковой кризис как потерю способности произносить слова, воспроизведенный в новелле Гофмансталя «Письмо лорда Чендоса» (1902).

ЭТАП ВЫХОДА В РЕАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

Следующий раздел «Ad me ipsum» логично посвящен выходу из мучительного переходного периода между праэксистенцией и эксистенцией в реальную действительность. По убеждению Гофмансталя, человек приходит к себе самому через конкретную связь с живой жизнью. Такой путь может быть «прямым», как в стихотворении «Вселенская тайна» («Weltgeheimnis», 1894):

«Der tiefe Brunnen weiß es wohl,
Einst waren alle tief und stumm,
Und alle wußten drum.

Die Zauberworte, nachgelallt
Und nicht begriffen in den Grund,
So geht es jetzt von Mund zu Mund.

Der tiefe Brunnen weiß es wohl;
In den gebückt, begriffs ein Mann,
Begriff es und verlor es dann.

Und redet‘ irr und sang ein Lied –
Auf dessen dunklen Spiegel bückt
Sich einst ein Kind und wird entrückt.

So wächst und weiß nichts von sich selbst
Und wird ein Weib, das einer liebt
Und – wunderbar wie Liebe gibt!

Wie Liebe tiefe Kunde gibt! –
Da wird an Dinge, dumpf geahnt,
In ihren Küssen tief gemahnt…

In unsern Worten liegt es drin,
So tritt des Bettlers Fuß den Kies,
Der eines Edelsteins Verlies.

Der Tiefe Brunnen weiß es wohl,
Einst aber wußten alle drum,
Nun zuckt im Kreis ein Traum herum»[12].

«Да, глубь колодца знает то,
Что каждый знать когда-то мог,
Безмолвен и глубок.

Теперь невнятны смысл и суть,
Но, как заклятье, все подряд
Давно забытое твердят.

Да, глубь колодца знает то,
Что знал склонявшийся над ней –
И утерял с теченьем дней.

Был смутный лепет, песнь была.
В зеркальной темной глубине
Дитя склонится, как во сне.

И вырастет, забыв себя,
И станет женщиной, и вновь
Родится в ком-нибудь любовь.

Как много познает любовь!
Что смутно брезжило из тьмы,
Целуя, прозеваем мы.

Оно лежит в словах, внутри…
Так нищий топчет самоцвет,
Что коркой тусклою одет.

Да, глубь колодца знает то,
Что знали все… Оно сейчас
Лишь сном витает среди нас»[13].

Другими примерами «прямого пути» для Гофмансталя являются отражения и встречи с самим собой в стихотворениях «Воспоминание» («Erlebnis», 1892) и «На рассвете» («Vor Tag», 1907), а также образы Цезарино – сына авантюриста в драме «Авантюрист и певица» и Тарквиниуса – молодого камергера в драме «Император и Ведьма»: при встрече с ним Император видит «себя самого в юношеские годы», что является первым шагом избавления от власти Ведьмы.

Кроме «прямого пути» в жизнь Гофмансталь указывает на путь косвенный: принесение в жертву, как это было в греческих драмах «Алкеста» (1893) и «Эдип» (1905) (610). В позднем творчестве Гофмансталь предпочитает «немистический путь», то есть путь к социальному началу в трех его разновидностях: «а) через деяние, б) творчество и в) рождение ребенка» (611), что находит свое воплощение в его поздних комедиях «Сильвия в “Звезде”» (1907), «Флориндо и незнакомка» (1908), «Возвращение Кристины» (1909), «Трудный характер» (1920) и «Неподкупный» (1922).

«К своему магическому “действу” Гофмансталь подходит во всеоружии философского, эстетического, искусствоведческого знания, конечно же, умозрительного и книжного. Но в алхимическую келью молодого творца заглядывали солнечные лучи, столь притягательные, что поэт отважился открыть дверь и выйти к людям, в реальное общество Вены начала века с его насущными политическими, социальными и культурными проблемами» [6: 222].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, биографические записки Гофмансталя «Ad me ipsum» представляют собой материалы о его творческой эволюции, толковании многих «головных» произведений, трудно постигаемых читательской логикой. Записки объясняют и раскрывают поэтологию от юношеского мистического периода через трудный переходный период между «предсуществованием» и реальной жизнью и, наконец, обретение социального назначения литературы при отсутствии каких-либо связующих нитей с конкретной биографией Гофмансталя. Многообещающий заголовок (интерпретация самого себя) воплотился в интеллектуальной саморефлексии творчества. Гофмансталь подробно раскрыл для исследователей свою поэтическую лабораторию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Hofmannsthal H. von. Ad me ipsum // Hofmannsthal H. von. Reden und Aufsätze III. Aufzeichnungen. 1925–1929. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 599. В статье цитаты из этого издания заключены в круглые скобки с указанием страницы.
[2] Эккерман И. П. Разговоры с Гете / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Захаров, 2003. С. 7.
[3] Хирн Л. Кокоро // Хирн Л. Мальчик, который рисовал кошек: Рассказы / Пер. с англ. А. Танасейчука. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 221.
[4] Hofmannsthal H. von. Ein Traum von großer Magie // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I. 1891–1898. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 25.
[5] Гофмансталь Г. фон. Сон о великой магии / Пер. Ю. Корнеева // Гофмансталь Г. фон. Избранное: Пер. с нем. / Сост. и предисл. Ю. Архипова; Ред. и коммент. Э. Венгеровой. М.: Искусство, 1995. С. 764.
[6] Гёте И. В. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1976. С. 260.
[7] Там же. С. 266.
[8] Там же. С. 309.
[9] Там же. С. 316.
[10] Hofmannsthal H. von. Der Tor und der Tod // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I… S. 297.
[11] Гофмансталь Г. фон. Глупец и Смерть / Пер. Е. Баевской // Гофмансталь Г. фон. Избранное… С. 84.
[12] Hofmannsthal H. von. Weltgeheimnis // Hofmannsthal H. von. Gedichte. Dramen I… S. 20.
[13] Гофмансталь Г. фон. Вселенская тайна / Пер. С. Ошерова // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX–XX вв.: Сб. / Сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. М.: Радуга, 1988. С. 179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникст А. А. Творческий путь Гете. М.: Худож. лит., 1986. 544 с.
2. Казакова И. Б. Неоплатоническая концепция природы в европейской литературе Нового времени: Монография. Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 444 с.
3. Мещеркина Е. Ю. Памяти П. Бурдье. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1. С. 75–84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter (дата обращения 20.10.2025).
4. Плотин. Космогония: Пер. с англ. М.: REFL-book; К.: Ваклер, 1995. 304 с.
5. Руди О. Д. Буддийская теория кармы и перерождений // Стихи.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stihi.ru/2019/08/08/643 (дата обращения 10.10.2025).
6. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.
7. Цветков Ю. Л. От кризиса к гармонии: И. В. Гёте и раннее творчество Г. фон Гофмансталя // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 3. С. 312–335. DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-312-335
8. Hofmannsthal H. von. Briefwechsel mit Max Mell. Hg. von M. Dietrich u. H. Kindermann. Heidelberg: FisicalBook, 1982. 370 S.
9. Szondi P. Das lyrische Drama des Fin de siècle. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. 532 S.

Поступила в редакцию 02.02.2026; принята к публикации 16.06.2026; дата публикации 30.10.2026

Original article

Yuriy L. Tsvetkov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

POETICS OF HUGO VON HOFMANNSTHAL IN HIS BIOGRAPHICAL NOTES *AD ME IPSUM*

Abstract. The aim of this study is to conduct a hermeneutic analysis of the scattered notes of Hugo von Hofmannsthal, a renowned Austrian poet and writer, created during different periods of his life and published posthumously.

The novelty of this work lies in establishing the overarching poetological design of the notes as a self-interpretation of creative path, moving from the youthful, magical stage of lyric poetry and verse dramas (the "pre-existence" stage, borrowed from the Buddhist philosophy) through a difficult intermediate period to the "existence" stage – the acquisition of social significance in the characters of later prose dramas and comedies. While the first "pre-existence" stage was vividly reflected in Hofmannsthal's early lyric poetry (the poem "A Dream of the Higher Magic"), the second stage – a transitional path that preserved the magical power of the poet's words – could not be embodied in real life without a state of crisis, as Hofmannsthal's Neoplatonic conception of the world was being destroyed by the materialistic basis of reality (dramas "The Emperor and the Witch" and "The Adventurer and the Singer"). Finally, the "existence" stage involved a direct apprehension of contemporary society's social life through action, creation, and childbirth. Hofmannsthal's mature period, which saw the poem "The Secret of the World" and such dramas and comedies as "Sylvia in 'The Star'", "Florindo and the Stranger", "Christina's Journey Home", "The Difficult Gentleman", and "The Incorruptible Servant", confirmed the fruitfulness of his poetological evolution.

K e y w o r d s : Viennese Modernism literature, Hugo von Hofmannsthal, *Ad Me Ipsum*, poetology, "Death and the Fool", "The Secret of the World", "A Dream of the Higher Magic", late prose dramas and comedies

F o r c i t a t i o n : Tsvetkov, Yu. L. Poetics of Hugo von Hofmannsthal in his biographical notes *Ad Me Ipsum*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(7):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1369

REFERENCES

1. A n i k s t , A . A . Goethe's creative path. Moscow, 1986. 544 p. (In Russ.)
2. K a z a k o v a , I . B . The Neoplatonic concept of nature in modern European literature. Samara, 2011. 444 p. (In Russ.)
3. M e s h c h e r k i n a , E . Yu . In memory of Pierre Bourdieu. L'illusion biographique. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2002;1:75–84. Available at: https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/4434 (accessed 20.10.2025). (In Russ.)
4. Plotinus. Cosmogony. Moscow; Kiev, 1995. 304 p. (In Russ.)
5. R u d i , O . D . The Buddhist theory of karma and reincarnation. *Stihi.ru web-portal*. Available at: https://stihi.ru/2019/08/08/643 (accessed 10.10.2025). (In Russ.)
6. T s v e t k o v , Yu . L . Literature of the Viennese Modernism. Postmodern potential. Moscow; Ivanovo, 2003. 432 p. (In Russ.)
7. T s v e t k o v , Yu . L . From crisis to harmony: J. W. Goethe and H. von Hofmannsthal's early works. *Studia Litterarum*. 2025;10(3):312–335. DOI: 10.22455/2500-4247-2025-10-3-312-335 (In Russ.)
8. H o f m a n n s t h a l , H . v o n . Briefwechsel mit Max Mell. Hg. von M. Dietrich u. H. Kindermann. Heidelberg, 1982. 370 S.
9. S z o n d i , P . Das lyrische Drama des Fin de siècle. Frankfurt am Main, 1991. 532 S.

Received: 2 February 2026; accepted: 16 June 2026; published: 30 October 2026